

5.09.92

В САМОМ ДЕЛЕ — за два с лишним десятка лет существования группы мы узнавали Макаревича не только как «рокового» музыканта, исполнителя, но и поэта, чьи журнальные подборки стихов вызы-

Андрей Макаревич:

«Все очень просто»

вали неподдельный интерес, и художника, не стыдящегося выставлять «на люди» свои рисунки и картины. И вот эта книжка документальной прозы, о которой писатель Александр Кабаков высказался как о «безукоризненно литературном тексте», каждое слово которого исполнено настоящей хипповой лав, той самой, которая ол ю нид из».

Бестолковое занятие — пересказывать сюжет книги, поэтому просто искренне рекомендую прочесть ее. А вот некоторыми собственными, так сказать «заметками на полях», поделиться хотелось бы. Признаюсь, я особенно пристрастно вчитывался в те строки этой книжки, где Андрей пишет о первых гастрольях «Машины времени» в 1979 году: «Это были самые настоящие гастроли, а не подпольная вылазка на сейшн». Я терпеливо искал в списке перечисленных городов название нашего, но, увы, не нашел. Были Ростов, Харьков, Одесса... А вот Волгоград, видно, не запомнился Андрею ничем. Что ж, немного обидно — тем более попробую хоть немного заполнить этот пропуск — нам-то «рейс» сюда «Машины» в память врезался.

Она «притормозила» у нас, кажется, после своего шумного успеха у

харьковчан, где, по слухам, поклонники «Машины» из числа безбилетников вынесли в каком-то ДК оконную раму вместе с решеткой, а под занавес бегали по залу с факелами из скрученных газет.

Это подогрело интерес и ко всей группе, и персонально к ее лидеру, поскольку мы уже были наслышаны,

что большинство крамольных по тем временам текстов песен из репертуара «Машины» написаны самим Макаревичем.

Однако вместо ожидаемого рок-н-рольного хулигана мы увидели перед собой весьма лиричного, в меру веселого и серьезного курчавого молодого человека. Интервью, которое он дал корреспондентам местных газет и радио, что называется, получилось. Ну, а концерт «Машины» вообще превзошел все ожидания. Правда, фонограмма песен, которую я выпросил у Макаревича для перезаписи в музыкальную молодежную программу областного радио, где в

ту пору работал, оказалась довольно некачественной, но все же мне удалось каким-то образом уломать нашего звукорежиссера включить несколько песен в передачу, посвященную «Машине», а техконтроль — дать им «добро» на эфир.

К сожалению, опьяненный «машинным» рок-н-роллом, я еще не знал, сколько «кирпичей» развешено было тогда перед «Машиной» по всей стране, несмотря на, казалось бы, уже официальное признание группы.

Все радиопередачи в те годы шли не как сейчас — напрямую, в «живой» эфир, а в записи — предварительно прослушанные начальством и «протолкнутые» цензурой.

И вот в день запланированного выхода в эфир музыкальной программы о творчестве «Машины времени» мне было велено явиться к руководству. Там меня ждал сюрприз — руководство, глядя как-то мимо меня, произнесло загадочную фразу:

— Я только что был в обкоме партии и там меня спросили: «Вы конечно же не будете делать передачу об этой самой «Машине времени»? — и я ответил: «Конечно, не будем!»

Помнится, я взорвался — передача готова, вечером выходит в эфир... Но реакция на мои протесты была однозначной: «Вы что, не поняли? Никакой передачи о «Машине времени» нет!» Так и поступили: готовую передачу с «подачи» обкома КПСС сняли и пленку размагнитили.

О моем самочувствии тогда говорить не приходится. Я долго размышлял, что же такое могло произойти, чтобы вызвать столь великий гнев партийных властей области к «Машине», пока не вспомнил первый концерт группы во Дворце спорта профсоюзом. Перед тем как на сцене появиться музыкантам, конференсье

прочел в микрофон нечто рифмованное такого примерно содержания: «Однажды я пел на большой эстраде, хотелось взглянуть молодцом, а в первом ряду задумчивый дядя смотрел на меня квадратным лицом...» И далее в том же духе. Я в ту минуту невольно взглянул на зал — первый и второй ряды были полностью заняты местными партийными и советскими чиновниками. Запечатлелись их лица — разом и одинаково закатывавшиеся.

Но конечно же не этот эпизод был поводом для запрета выхода «Машины времени» в волгоградский эфир, он мог только подтолкнуть к нему. Скорее же всего, то была цепная реакция — «Машина» своей раскрепощенностью не вписывалась в идеологические рамки, раздражала власть имущих. Тогда, в конце семидесятых, как пишет Макаревич: «Большой идеологический слон только начал поворачивать свою удивленную голову в нашу сторону».

Хорошо, что времена меняются. И нравы властей тоже. Но что было, то было — и лидер «Машины» пишет об этом на удивление легким и светлым языком, пишет искренне и незлобиво, благодаря друзей и прощая недругов.

Здорово, что в книжке нашлось место и для стихов Андрея. Не удержусь, чтобы не процитировать хотя бы одно четверостишие из последнего: «Был тонок луч, и голос светел, и ветер головы кружил... Старики Державин нас заметил, но никого не заложил». Нет, они все те же — «Макаревич со товарищи», несмотря на то что за спиной уже более двух десятков лет гонки на головокружителейных выражах.

Владимир Павшук.

Творческие встречи - Волгоград - 1992 - 5 сент. - с. 11

Макаревич Н.